

ности. Кстати, и в названии родного города он находит это blau — BresLAU.

У «новых пророков» Кульман также обнаружил предсказание, якобы к нему относящееся. Драбик в одном из своих видений утверждал: «Когда исполнится число пять (латинское quinque, — А. П.), скончаются сыны противления». Квириин Кульман находит это пять (quinque) в своем имени, вернее в латинизированном его варианте (Quirinus—Quinarius).³⁷

Рукописное «Прохладительное торжество», переведенное, как говорится в деле, с «немецкого письма его руки», заканчивается опять-таки одним из пророчеств Штепана Мелиша. Вот его текст: «Пришел еще иной гонец, возвещая, что от другия части пришедший огонь московитина возбудил, иже с великою громадою к поляком приблизился, его ж аз видел с толиким людуством, что невозможно было их всех рассмотреть; они же стояли от левой стороны, ити собрались против их, яко на брань. Но егда между собою говорили, воскликали поляки: „О, братия, сии суть наши братия! Для чего нам с ними ратовати? Татары нас доволно разоряют“. Чесо ради подали они себе взаимно руки и приняли царя московского, яко своего избавителя, иже им обещал защищение против татар».

Это заявление, как видим, отличается от славянских воззрений «чешских братьев». Это — в краткой форме программа славянского мессианизма, где вождем славянства провозглашается Россия, а главной опасностью для славянства — опасность татарская и, следовательно, турецкая; короче говоря, это точка зрения Юрия Крижанича и южных славян вообще.

В устах Мелиша это пророчество все же понятно: ведь опять-таки на первый план выдвигается идея польских уступок и первенствующей роли московского царя; с другой стороны, Мелиш знал, что нельзя рассматривать всю Польшу как католическую державу: ему, жителю польского города Лешно, долгое время бывшего центром братской общины, это было известно достаточно хорошо.

Более странно, даже загадочно на первый взгляд оно выглядит у Кульмана. Зачем же человеку, который призывает к разгрому Польши, заканчивать им свое «Прохладительное торжество»? Зачем говорить о «защищении против татар», если татары и турки призваны разгромить папство и Священную Римскую империю? Ведь идея «пременения», которую Кульман выдвигал в отношении турок и татар, выражена здесь очень слабо: речь идет о политическом подчинении Московскому государству, а не о принятии «истинной» евангелической веры.

По нашему мнению, включение этого пророчества в «Прохладительное торжество» говорит о некоторых проблесках политического реализма (напомним, что данное «Прохладительное торжество» написано уже в России), поскольку призывать русское правительство к союзу с Турцией и Швецией против Польши и Габсбургов в 1689 г. было совершенно безрассудным.

Если в начале и середине века, как мы говорили, русская ориентация в общем соответствовала планам Кульмана и евангелистов вообще, то к концу восьмидесятых годов она была совершенно иной. Поворот политики России в двух словах определялся так: союз с Польшей и война с Турцией. А. С. Пушкин в «очерке введения» к «Истории Петра» писал, что накануне воцарения Петра I Россия «1) склонна к Польше, уже обессиленной, неприязненна к Швеции, усиливающейся час от часу. 2) Смотрит осторожно на Турцию, опасается влияния оной на Запорожье

³⁷ Ср.: Н. С. Тихонравов. Сочинения, т. II, стр. 330—335.